

СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ РОССИНСКИЙ

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
E-mail: igpran@igpran.ru
SPIN-код: 8295-9884

DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-6-rossinskiy

СОРОК ВОСЕМЬ ЧАСОВ С МОМЕНТА ФАКТИЧЕСКОГО ЗАДЕРЖАНИЯ — РЕЗУЛЬТАТ СПОНТАННОГО И НЕПРОДУМАННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА НА ЗАРЕ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена выявлению причин, предопределивших возникновение 48-часового лимита внесудебного ограничения свободы личности, в первую очередь установленного для задержания подозреваемых в совершении преступлений. Актуальность статьи связывается с отсутствием научного внимания к указанным проблемам, в особенности на общем фоне повышенного интереса к различным аспектам обеспечения прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве. Кроме того, отмечается непригодность предопределенного Конституцией РФ и сполна отразившегося в нормах уголовно-процессуального закона 48-часового срока для нужд дознавательской и следственной практики, что приводит к всевозможным ухищрениям и «обходными путям», как правило, сводящимся к хорошо замаскированным нарушениям установленных правил.

Одновременно проводится сравнительно-правовой анализ рассматриваемых положений национального законодательства с аналогичными положениями законодательства постсоветских государств: Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении и др. В результате существующие в России правовые условия ограничения свободы личности в этой части оцениваются как весьма благоприятные для подлежащих задержанию лиц, гораздо более мягкие по сравнению с многими другими странами ближнего зарубежья.

Предпринимается попытка уразумения причин возникновения 48-часового срока внесудебного ограничения свободы личности посредством детального рассмотрения и надлежащего осмысления обстоятельств, сопутствующих подготовке проекта Конституции РФ. Устанавливается, что в условиях наблюдавшегося в 1993 г. политического противостояния в окончательный проект Конституции РФ были преимущественно включены не столько «президентские», сколько «парламентские» идеи о правах и свободах человека и гражданина — именно они предполагали четко установленный 48-часовой лимит задержания подозреваемого. Одновременно отмечается, что никаких официальных «следов», объясняющих оптимальность указанного временного отрезка, обнару-

жить не удалось — предлагается ограничиться лишь соответствующими догадками и предположениями. Наиболее вероятное из них увязывается с желанием разработчиков проекта Конституции РФ в очередной раз продемонстрировать стремление новой российской власти к заботе о личности, чем заработать дополнительные очки для принятия России в сообщество цивилизованных стран.

Таким образом, 48-часовой лимит внесудебного ограничения свободы, свойственный раннему периоду существования постсоветской России, объясняется ложными правовыми установками и ориентирами, стремлением максимально соответствовать навязанным извне либеральным ценностям, а также наблюдаемыми в начале 1990-х гг. спонтанностью и непродуманностью конституционно-правовой политики, ошибочностью целого ряда идей о дальнейшем развитии общества и государства. В этой связи предлагается сосредоточиться на поисках путей выхода из сложившейся ситуации посредством внесения коррективов в федеральное, в первую очередь уголовно-процессуальное, законодательство, которые представляются вполне реальными, способными привести к сглаживанию возникающих практических трудностей.

Ключевые слова: внесудебное ограничение свободы, задержание подозреваемого, заключение под стражу, меры принуждения, подозреваемый, права и свободы человека и гражданина, принцип неприкосновенности личности, срок задержания

SERGEY B. ROSSINSKIY

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

10, Znamenska str., Moscow, 119019, Russian Federation

E-mail: igpran@igpran.ru

SPIN code: 8295-9884

FORTY-EIGHT HOURS FROM MOMENT ACTUAL DETENTION IS A RESULT OF SPONTANEOUS AND ILL-THOUGHT LAW-MAKING AT THE DAWN OF THE NEW RUSSIAN STATE

Abstract. The article is devoted to identifying the reasons that influenced the emergence of a 48-hour limit on extrajudicial restriction of personal freedom, which, first of all, was established for the detention of persons on suspicion of committing crimes. The relevance of the article is due to the lack of scientific attention to these problems, especially against the general background of increased interest in various aspects of ensuring individual rights and freedoms in criminal proceedings. In addition, it is noted that the 48-hour period established in the Constitution of the Russian Federation is unsuitable for the needs of inquiry and investigative practice, which

is fully reflected in the norms of the criminal procedure law and leads to all sorts of tricks and "workarounds", which, as a rule, come down to well-disguised violations of established rules.

At the same time, a comparative legal analysis of the provisions of national legislation under consideration is carried out with similar provisions of the legislation of post-Soviet states: Azerbaijan, Armenia, Belarus, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, etc. As a result, the existing legal conditions for restricting personal freedom in Russia in this part are assessed as very favorable for persons subject to detention, much more lenient compared to many other neighboring countries.

An attempt is made to understand the reasons for the emergence of a 48-hour period of extrajudicial restriction of personal freedom through a detailed consideration and proper understanding of the circumstances accompanying the preparation of the draft Constitution of the Russian Federation. It is established that in the conditions of the political confrontation observed in 1993, the final draft of the Constitution of the Russian Federation predominantly included not so much "presidential" as "parliamentary" ideas about the rights and freedoms of man and citizen — they presupposed a clearly established 48-hour limit for the detention of a suspect. At the same time, it is noted that no official "traces" explaining the optimality of the specified time period could be found — it is proposed to limit ourselves only to the appropriate guesses and assumptions. The most likely of them is linked to the desire of the developers of the draft Constitution of the Russian Federation to once again demonstrate the desire of the new Russian government to care for the individual, in order to earn additional points for Russia's acceptance into the community of civilized countries.

Thus, the 48-hour limit of extrajudicial restriction of freedom is explained by the false legal guidelines and guidelines characteristic of the early period of the existence of post-Soviet Russia, the desire to maximally comply with liberal values imposed from the outside, as well as those observed in the early 1990s. spontaneity and ill-conceived constitutional and legal policy, the fallacy of a number of ideas about the further development of society and the state. In this regard, it is proposed to focus on finding ways out of the current situation by making adjustments to federal, primarily criminal procedural, legislation, which seem quite realistic and can lead to smoothing out emerging practical difficulties.

Keywords: extrajudicial restriction of freedom, detention of a suspect, detention, coercive measures, suspect, human and civil rights and freedoms, the principle of personal integrity, period of detention

1. Введение

Сорок восемь часов с момента фактического задержания — один из самых известных уголовно-процессуальных сроков. Пожалуй, этот темпоральный период знаком каждому ученому-правоведу, практическому работнику, студенту юридического вуза, лишь приступающему к освоению премудростей будущей профессии, да и вообще любому

человеку, имеющему хоть самое отдаленное представление о механизмах уголовного судопроизводства в целом и правилах работы с задержанными в частности. Будучи предусмотренным положениями ст. 10 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ), он относится к базовым компонентам принципа неприкосновенности личности. По замыслу законодателя, его надлежит расценивать как весьма существенную правовую гарантию защиты попавшего в зону внимания правоохранительных органов и рискующего быть подверженным уголовному преследованию лица, как некий юридический амортизатор, обеспечивающий разумный баланс публичных полномочий государства и частных интересов оказавшегося под подозрением в причастности к некому запрещенному законом деянию либо прямо обвиненного в совершении определенного преступления индивида. Объективная потребность в подобной гарантии обуславливается самой сущностью, самым характером уголовно-процессуальной деятельности современного типа, с одной стороны, направленной на обеспечение возможности реализации уголовного закона, в том числе посредством надлежащего использования находящихся в распоряжении субъектов уголовного преследования правоограничительных инструментов, а с другой — основанной на непреложном приоритете конституционно-правовых ценностей, включая признание за каждым человеком права на свободу и личную неприкосновенность.

В этой связи несколько странным и не вполне понятным представляется отсутствие какого-либо внимания к 48-часовому сроку задержания со стороны научного сообщества: как представителей конституционно-правовой доктрины, так и ученых-процессуалистов. Причем особое недоумение данный нюанс вызывает ввиду очевидной каждому общей актуальности проблем прав и свобод личности, т.е. на фоне свойственного постсоветскому периоду развития юридической науки нескрываемо повышенного интереса к подобным вопросам. В многочисленных публикациях (монографиях, диссертациях, статьях и проч.) установленный ч. 1 ст. 10 УПК РФ срок внесудебного ограничения свободы обычно позиционируется как неоспоримая данность, как само собой разумеющийся правовой постулат, т.е. попросту констатируется факт его существования¹ — мол, так решено населением Рос-

---

¹ См., например: *Кругликов А.П., Дикарев И.С., Бирюкова И.А.* Принципы уголовного процесса Российской Федерации / Под ред. А.П. Кругликова. Волгоград, 2007. С. 63–64; *Якимович Ю.К.* Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного процесса. Томск, 2015. С. 117–123; *Челохсанов О.З.* Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина и его реализация

сийской Федерации в ходе проведенного 12 декабря 1993 г. всенародного голосования, и точка!

На первый взгляд в этом нет ничего удивительного! С конституционной предопределенностью указанного срока как будто и не поспоришь — именно в ч. 2 ст. 22 Конституции РФ на самом концептуальном уровне закреплена 48-часовая лимит любых внесудебных ограничений свободы индивидов в любых сферах правового регулирования. К тому же пресловутый правозащитный принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве вроде бы как уже настолько исследован-переисследован «вдоль и поперек», настолько рассмотрен-перерассмотрен со всех сторон, что сама возможность возникновения каких-либо сомнений в правильности вытекающих из его смысла запретов и предписаний должна казаться весьма маловероятной.

Однако стремление к более детальному и обстоятельному осмыслению некогда установленного срока задержания заставляет усомниться в подобных оценках. Позиции авторов, предполагающие неоспоримость данного срока, начинают представляться если не ошибочными, то, по крайней мере, весьма поверхностными, обусловленными нежеланием либо неумением глубоко погружаться в научную проблематику или, что еще хуже, банальной неспособностью к уразумению потребности в таком погружении. Тогда как на самом деле вопрос о причинах возникновения 48-часового внесудебного ограничения свободы остается открытым, продолжающим вызывать недоумение в юридическом мире, в первую очередь у сотрудников органов дознания и предварительного следствия, сильно стесненных установленными ч. 1 ст. 10 УПК РФ временными рамками. Намерения выявить такие причины побудили к проведению небольшого научного исследования, по результатам которого и была подготовлена настоящая статья.

2. Непригодность 48-часового лимита внесудебного ограничения свободы личности для нужд уголовного судопроизводства

А начать хотелось бы с констатации практически абсолютной непригодности установленного законом 48-часового срока внесудебного задержания для решения связанных с ним правоприменительных за-

---

в уголовном судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 71 и многие другие работы.

дач, а именно его явной непредрасположенности к надлежащему выполнению следователями всех необходимых формальностей, требуемых для инициирования и избрания в отношении соответствующих лиц вполне ожидаемых во всех подобных ситуациях мер пресечения арестантского характера. К тому же ввиду объективных потерь драгоценных часов и даже минут, расходуемых на доставления задержанных, и 8-часового темпорального резерва, предусмотрительно оставленного законодателем для проведения самих судебных заседаний (ч. 4 ст. 108 УПК РФ), в фактическом распоряжении следователей зачастую остаются «жалкие крохи» — немногим более суток, а иногда и того меньше. В таких случаях ни о каких полноценно проводимых первоначальных этапах расследования говорить, конечно, не приходится — успеть бы выполнить минимальный объем самых безотлагательных следственных действий, накидать «на скорую руку» заветное обвинение, предъявить его в установленном порядке и направить необходимые материалы в суд. И это при задержании лишь одного подозреваемого! А если их было двое, трое, четверо и т.д.²

Конечно, для возможности преодоления возникающих трудностей существует специальная норма, уполномочивающая следователей и даже дознавателей превентивно избирать меры уголовно-процессуального пресечения, в первую очередь заключение под стражу, в отношении подозреваемого. Такой алгоритм прямо установлен ст. 100 УПК РФ (в части дознания — ст. 224 УПК РФ), а ранее предусматривался ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (далее — УПК РСФСР 1960 г.). Вместе с тем подобное дозволение прямо определено как допускаемое только в исключительных случаях — по смыслу закона использование данного потенциала приемлемо лишь в явно выходящих за пределы «следственной обыденности» ситуациях, например связанных с объективной невозможностью срочного проведения самых безотлагательных следственных действий, одновременным задержанием сразу нескольких подозреваемых и прочими нестандартными обстоятельствами. Поэтому, как справедливо отмечается в научных публикациях, указанное исключение лишь подтверждает общее правило: в тривиальных случаях мера уголовно-процессуального пресечения, в частности арест либо домашний арест, может избираться лишь после выдвижения в отношении лица офици-

² См.: *Россинский С.Б.* Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2018. № 5. С. 33.

ального обвинения³. А сформулировать и предъявить такое обвинение в рамках предусмотренного законом лимита задержания весьма и весьма затруднительно, в связи с чем правоприменительная практика просто изобилует всевозможными ухищрениями и «обходными путями», как правило, сводящимися к банальным, но зачастую хорошо замаскированным нарушениям установленных правил.

Конечно, истоки указанных затруднений надо искать не в сфере уголовно-процессуального регулирования. Как было отмечено выше, устанавливая столь сжатые сроки внесудебного ограничения свободы человека, разработчики УПК РФ были буквально скованы по рукам и ногам соответствующим положением Конституции РФ. Поэтому высказывать в их адрес какие-либо серьезные претензии в непродуманности принципа неприкосновенности личности в целом и конкретных правил его реализации в частности было бы не совсем разумно и корректно. Хотя, для справедливости, все же стоит обратить внимание на не вполне удачное содержание ряда положений уголовно-процессуального права, например, на несуразности, выраженные в отнесении полномочий по задержанию подозреваемых к ведению следователей, в установлении приоритетности избрания мер пресечения именно в отношении обвиняемых и т.д. — при более приемлемом для правоприменительной практики правовом регулировании определенные Конституцией РФ проблемы были бы частично нивелированы, не столько заметны, по крайней мере, не приводили бы к таким серьезным затруднениям. Но это всего лишь детали! Тогда как основное бремя ответственности за 48-часовой лимит внесудебного ограничения свободы, безусловно, ложиться на авторов Конституции РФ.

3. Сравнительно-правовой анализ положений законодательства постсоветских государств о внесудебном ограничении свободы личности

Для большей глубины проводимого исследования и убедительности предполагаемых выводов представляется весьма полезным, воспользовавшись методом сравнительного правоведения, сопоставить указанные положения российского законодательства с аналогичными положениями законодательства других постсоветских государств,

---

³ См.: Курс уголовного судопроизводства / Под ред. Л.В. Головки. М., 2016. С. 536–537.

как имеющих пока еще достаточно схожие правовые системы. Так, конституционные нормы целого ряда бывших союзных республик: Беларуси, Азербайджана, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана и др. — вообще не устанавливают определенных сроков внесудебного ограничения свободы личности, как бы спуская подобные вопросы на уровень отраслевого, в первую очередь уголовно-процессуального, нормативного регулирования.

При этом уголовно-процессуальные кодексы данных стран, будучи свободными от жестких конституционных рамок, регламентируют более длительные сроки задержаний подозреваемых (обвиняемых). Например, в соответствии с ч. 5 ст. 128 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан такая мера принуждения не может применяться более 72 часов с момента фактического захвата лица. Алогичные правовые конструкции встречаются и в некоторых других постсоветских государствах, в частности на Украине и странах Прибалтики. Правда, у автора настоящей статьи в силу понятных причин нет особого желания подробно анализировать существующие там порядки.

В свою очередь, таджикская система досудебного производства предполагает дифференциацию сроков задержания взрослых и несовершеннолетних подозреваемых. В соответствии с ч. 3 ст. 92 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан применение данного правоограничительного механизма в общем порядке ограничивается 72 часами, а в отношении несовершеннолетних — 48 часами. Азербайджанский законодатель занимает более «правозащитную» позицию. Согласно ст. 148.6–148.7 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики предельный лимит внесудебного ограничения свободы подозреваемого, как и в России, не может превышать 48 часов, а в случаях одновременного задержания большого количества лиц, заподозренных в совершении определенных преступлений, следователям и прокурорам предоставляется право ходатайствовать о продлении данного срока еще на 48 часов, но уже в судебном порядке. Тогда как наиболее «антилиберальные» режимы установлены гл. 12 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь и ст. 144 УПК Туркменистана: в этих странах вообще сохранены советские правила, предполагающие 72-часовой срок задержания подозреваемого (обвиняемого) и последующую процедуру прокурорского санкционирования его заключения под стражу.

Другие государства, напротив, как бы солидаризируясь с Россией, определили сроки внесудебного ограничения свободы человека прямо на конституционном уровне. Причем некоторые из них также ограни-

чились 48-часовым лимитом использования соответствующих принудительных механизмов.

Например, такой срок предусматривается ч. 3 ст. 27 Конституции Республики Узбекистан; аналогичное по смыслу предписание вытекает из ч. 4 ст. 59 Конституции Кыргызской Республики.

Более длительные сроки установлены в Грузии, Армении и Молдове. Так, согласно ч. 3 ст. 18 Конституции Грузии задержанному (иным способом ограниченному в свободе) лицу гарантируется право в течение 48 часов лишь предстать перед судом, тогда как на само рассмотрение вопроса о его дальнейшем аресте (ином ограничении свободы) полагается еще 24 часа — в противном случае человек подлежит немедленному освобождению. В свою очередь, ч. 4 ст. 27 Конституции Республики Армения прямо устанавливает 72-часовой темпоральный лимит, в течение которого суду предписывается в условиях соблюдения разумного срока вынести решение о дальнейшем содержании предварительно задержанного лица в заключении или о его немедленном освобождении. А ч. 3 ст. 25 Конституции Республики Молдова просто содержит лаконичный запрет на превышение 72-часового срока задержания.

Неудивительно, что установленные конституциями всех указанных государств максимальные временные рамки внесудебного ограничения свободы четко отражаются в соответствующих уголовно-процессуальных кодексах. Хотя до недавнего времени армянская правовая система предполагала некоторое исключение: несмотря на существующее с 2005 г. вышеуказанное конституционное предписание об ограниченности нахождения задержанного под стражей без судебного решения 72 часами, положения действующего по 30 июня 2022 г. включительно «старого» Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения (ч. 2 ст. 129 Кодекса) позволяли применять такую меру принуждения в течение 96 часов. И лишь вступивший в силу с 1 июля 2022 г. «новый» Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения устранил данный недостаток: в соответствии с ч. 8 ст. 109 Кодекса срок задержания тоже стал ограничиваться 72 часами. К слову, нечто подобное когда-то наблюдалось и в российской системе уголовно-процессуального регулирования: вопреки предписаниям ч. 2 ст. 22 Конституции РФ нормы ранее действовавшего УПК РСФСР 1960 г. (ч. 3 ст. 122 Кодекса) фактически устанавливали 72-часовой срок задержания (24 часа отводилось на извещение прокурора о произведенном задержании и еще 48 часов — на прокурорское санкционирование / отказ в санкционировании ареста).

В любом случае из сказанного становится очевидным, что в стремлении к неким правозащитным идеалам и либеральным ценностям Россия в этой части явно обогнала практически всех своих «соседей». Ведь только в России, Узбекистане и Кыргызстане прямо на конституционном уровне установлены самые мягкие и благоприятные для задерживаемых лиц режимы внесудебного ограничения свободы, тогда как другие постсоветские государства предусмотрительно заняли гораздо более осторожные, разумные и взвешенные позиции.

4. Причины возникновения 48-часового лимита внесудебного ограничения свободы личности

Откуда же в ч. 2 ст. 22 Конституции РФ взялись эти пресловутые 48 часов?

Может быть, таковы требования злополучных международных стандартов в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина, в особенности печально известной Европейской конвенции 1950 г., в течение многих лет, вплоть до своей долгожданной дератификации, воспринимаемой либеральной общественностью чуть ли не в качестве священного писания? Возможно, что подобные рекомендации некогда высказывались в раскрывающих сакральный смысл Европейской конвенции актах европейского суда по правам человека?

Нет, это не так! Никакими конвенциями, договорами и прочими международно-правовыми документами конкретные сроки внесудебного ограничения свободы не предусмотрены и предусматриваться не могут! В таких источниках устанавливаются лишь самые общие контуры правообеспечительной политики соответствующих стран — именно те самые стандарты взаимодействия власти с личностью, а вовсе не конкретные правила, в том числе сроки проведения различных юридических процедур. С учетом разнообразия юридических, экономических, социальных и прочих условий существования и развития тех или иных государств такие правила, в частности правила задержания лица по подозрению в совершении преступления, как не подлежащие повсеместному и одновременному применению должны находиться и находятся (!) в исключительном национальном ведении⁴.

Значит, 48-часовой лимит внесудебного ограничения свободы — это все-таки результат собственных правотворческих замыслов разработчиков текста Конституции РФ?! Но почему именно 48 часов?

⁴ См.: Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М., 1999. С. 33.

Конечно, о намерениях авторов Конституции РФ «подогнать» эти временные рамки под полное количество астрономических суток догадаться не сложно — вряд ли следовало ожидать появления, например, 47-часового, 49-часового и тому подобных неполносуточных сроков. Но все-таки почему именно 48? Почему, например, не 96 и, тем более, ни 72, как это было установлено в еще действующем на тот момент УПК РСФСР 1960 г.?

Увы, но ни в одной из проанализированных публикаций по конституционному праву обнаружить какое-либо внятное объяснение такого срока, тем более четкое доктринальное обоснование подобного правотворческого решения обнаружить не удалось. Ответ на данный вопрос можно сформулировать лишь в предположительной форме, исходя из достаточно отрывочных сведений об обстоятельствах работы над проектом Конституции РФ.

Так, доподлинно известно, что на момент «открытия» знаменитого Конституционного совещания, т.е. в конце апреля — начале мая 1993 г., параллельно существовали два конкурирующих проекта нового «Основного закона» государства: 1) «президентский» — подготовленный в очень сжатые сроки группой соратников Б.Н. Ельцина: ученых, политических и общественных деятелей, возглавляемых С.М. Шахраем, А.А. Собчаком и С.С. Алексеевым (впервые опубликован в газете «Известия» 30 апреля 1993 г.)⁵; 2) «парламентский» — разрабатываемый начиная с 1990 г. образованной на I Съезде народных депутатов РСФСР специальной Конституционной комиссией, которая на момент начала работы Совещания фактически контролировалась оппозиционным Верховным Советом РСФСР во главе с Р.И. Хасбулатовым (представлен в окончательной редакции 5 мая 1993 г.)⁶.

При этом положение о 48-часовом темпоральном лимите внесудебного ограничения свободы содержалось именно в «парламентском» проекте — в ч. 2 ст. 21 документа гарантировалось, что «ограничение свободы, включая арест, допускается исключительно по судебному решению». Одновременно указывалось, что «до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов». И наконец, говорилось, что «законность задержания проверяется в судебном порядке». Тогда как ч. 1 ст. 12 «президентского»

⁵ См.: Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы / Под ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая, Ю.Ф. Ярова, А.А. Собчака, В.Ф. Шумейко: В 2 т., плюс справочный том. Т. 1. М., 1995. С. 11–66.

⁶ См.: там же. С. 495–557.

проекта, наоборот, включала гораздо более неопределенную норму, устанавливающую, что «каждый имеет право на жизнь, личную неприкосновенность, свободу и безопасность».

В условиях нарастающего на тот момент политического кризиса, обусловленного известным противостоянием законодательной и подконтрольной Президенту РФ исполнительной ветвей власти, учитывая отсутствие достаточного времени, необходимого для продолжения дальнейших споров, дебатов по проекту «Основного закона» Российской Федерации, сторонники Б.Н. Ельцина постарались склонить своих оппонентов к достаточно рискованному, но, тем не менее, предполагающему хоть какой-то реальный выход из возникшего тупика компромиссу. Была достигнута некая договоренность о банальном разделе сфер правотворческого влияния противоборствующих политических сил: для формирования одних глав будущей Конституции РФ было решено использовать соответствующие части «президентского» проекта, тогда как для других — «парламентского». Причем пресловутые нормы о правах и свободах человека и гражданина фактически были отданы на откуп парламентской «партии» — тем самым представители президентского блока постарались максимально выторговать для себя правотворческие привилегии в части формирования положений о государственном устройстве, о системе и взаимоотношениях органов власти, о механизмах сдержек и противовесов, т.е. получить преимущества по наиболее болезненным аспектам противостояния с Верховным Советом РСФСР. К тому же, по признанию подавляющего большинства членов Конституционного совещания, включая самого Б.Н. Ельцина, в вопросах регулирования прав и свобод человека и гражданина «парламентский» проект оказался гораздо более удачным и проработанным⁷.

В итоге 12 июля 1993 г. Конституционному совещанию был представлен очередной, компромиссный проект «Основного закона» Российской Федерации⁸. В ч. 2 ст. 22 документа указывалось, что «арест и содержание под стражей допускаются только по судебному решению». Одновременно устанавливалось, что «до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов». Именно эти формулировки с учетом небольших редакционных кор-

⁷ См.: Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): В 6 т. / Под общ. ред. О.Г. Румянцева. М., 2008. Т. 4. Ч. 2. С. 35–60.

⁸ См.: там же. Т. 4. Ч. 3. С. 140–176.

рективов в конке концов и нашли отражение в принятой 12 декабря 1993 г. Конституции РФ, а через восемь лет были имплантированы в содержание уголовно-процессуального принципа неприкосновенности личности.

Но откуда же взялся этот злополучный 48-часовой срок внесудебного задержания в «парламентском» проекте Конституции РФ? Намекаясь во чтобы то ни стало получить ответ на данный вопрос, автор настоящей статьи постарался внимательно изучить и проанализировать имеющиеся, по крайней мере находящиеся в открытом доступе, архивные материалы работы созданной тремя годами ранее Конституционной комиссии — благо дело, все эти документы в свое время были опубликованы, поэтому их поиск не составил особого труда.

Проведенные историко-правовые изыскания привели к весьма интересным результатам. Как удалось выяснить, периодически вносимые на рассмотрение Конституционной комиссии вплоть до конца 1991 г. проекты новой Конституции России (в ту пору еще РСФСР) почему-то вообще не предполагали возможности внесудебного ограничения свободы человека. Такого положения просто не предусматривалось⁹. В частности, в последнем из них — от 24 октября 1991 г. — указывалось, что «арест и другие формы лишения свободы допускаются исключительно на основании решения суда»¹⁰. К слову, схожее по содержанию положение имеется и в принятой месяцем позже российской Декларации прав и свобод человека и гражданина (от 22 ноября 1991 г. № 1920-1). Создается впечатление, что движимые благими идеями либерализма, стремясь окончательно покончить с «тоталитарным» советским прошлым, авторы предлагаемых проектов толком не осознавали либо не желали осознавать реальные механизмы задержания, например, наивно рассчитывали, что судьи, образно говоря, сами станут патрулировать улицы, сидеть в засадах, бегать с пистолетами за предполагаемыми преступниками, надевать на них наручники и т.п., т.е. смогут принимать свои заветные решения прямо в местах фактических захватов подозреваемых (обвиняемых). Вполне вероятной видится и более опасная версия. Она состоит в том, что включившиеся в конце 1980-х гг. в политическую деятельность и допущенные к участию в работе над проектом новой Конституции РФ

⁹ См.: Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): В 6 т. Т. 2. С. 70, 284 и т.д.

¹⁰ См.: там же. Т. 2. С. 569.

бывшие активисты диссидентского движения преднамеренно планировали лишить правоохранительные органы каких-либо полномочий по осуществлению фактических задержаний и тому подобных правоограничительных приемов.

Тогда как в ч. 2 ст. 21 возникшего несколько позже — 2 марта 1992 г. — очередного проекта Конституции РФ указанное положение претерпело существенные изменения. Авторы проекта неожиданно опомнились от прежних заблуждений и прямо предусмотрели, возможность досудебного задержания лица, но не более чем на 48-часовой срок¹¹.

Подлинные причины возникновения указанной поправки установить так и не удалось. Однако вполне вероятно, что поводом к ее появлению стали «экспертные» замечания на проект Конституции РФ, поступившие от одной из существовавших в то время политических сил — Конституционно-демократической партии России (Партии Народной Свободы). В представленном на рассмотрение Конституционной комиссии документе обращалось особое внимание на потребность дополнения положений о неприкосновенности личности нормой, легализующей превентивный «полицейский арест», т.е. предоставляющей правоохранительным органам право «задержания и ареста в случае взятия с поличным на месте преступления»¹². Иными словами, среди множества участвующих в работе над проектом Конституции РФ политических деятелей все-таки нашлись грамотные люди, понимавшие абсурдность и практическую невыполнимость абсолютного запрета на внесудебное ограничение свободы индивида.

Но кто, когда и почему предложил установить именно 48-часовой лимит применения такой принудительной меры, остается неизвестным! По крайней мере, в материалах Конституционной комиссии каких-либо сведений, способных пролить свет на эту тайну, обнаружить не удалось; не представилось возможным выявить и какие-либо иные официальные «следы» такого правотворческого решения. Если они когда-то и существовали, то за более чем 30 прошедших лет были безвозвратно утеряны.

Конечно, автору настоящей статьи очень хотелось бы поделиться с читателями рядом сведений, полученных по этому поводу из неофициальных источников, в первую очередь из устных бесед с неко-

---

¹¹ См.: Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): В 6 т. Т. 3. С. 85.

¹² См.: там же. Т. 2. С. 70.

торыми «живыми свидетелями» описываемых событий — дожившими до наших дней участниками работы Конституционной комиссии. В частности, было поведено, что пресловутый 48-часовой срок задержания определялся буквально «на коленке» во время дружеского чаепития у одного из высокопоставленных политических деятелей, что изначально вообще планировалось ограничить данный срок 36 часами, но кто-то из присутствующих навскидку септически заявил, что «мол, 36 — слишком мало» и т.п. Однако все подобные «показания» более ничем не подтверждены и вряд ли могут быть приняты во внимание для решения задач серьезного научного исследования.

В этой связи остается лишь довольствоваться выдвиганием очередных гипотез. Наиболее приемлемым в данном случае видится предположение, объясняющее столь малый срок внесудебного ограничения свободы личности желанием разработчиков проекта Конституции РФ доказать всему Миру, в первую очередь западным партнерам, стремление новой российской власти к заботе о правах и свободах личности, к их возведению на недосягаемый пьедестал. По всей видимости, пресловутый 48-часовой срок внесудебного задержания — это очередная красивая картинка, с помощью которой планировалось набрать дополнительные очки для принятия России в сообщество цивилизованных стран, в том числе для вхождения в Совет Европы, другие международные организации и закрытые политические «клубы». При этом в этой части российские демократы начала 1990-х гг. стали «первыми учениками» у западных «гуру», поскольку, как уже было отмечено ранее, явно опередили в своих стараниях большинство других постсоветских стран.

Состоятельность такой гипотезы подтверждается фактом направления уже вступившей в силу Конституции РФ для проведения экспертизы на предмет соответствия либеральным ценностям в специальную Венецианскую комиссию совета Европы — так называемую Европейскую комиссию за демократию через право¹³. При этом ч. 2 ст. 22 Конституции РФ получила достаточно высокую оценку. Однако все же было указано о предпочтительности замены четко установленного срока ограничения свободы без судебного решения внедрением механизмов “*habeas corpus*”, т.е. системы имеющих англосаксонское происхождение юридических гарантий, связанных с возможностью каждого человека настаивать на незамедлительной судебной провер-

---

¹³ См.: Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. Т. Справочный. С. 81–100.

ке правомерности превентивного «полицейского ареста» в условиях возложения на правоохранительные органы бремени доказывания законности проведенного задержания.

5. Выводы

Таким образом, 48-часовой срок внесудебного ограничения свободы человека, подозреваемого в совершении преступления, можно объяснить лишь свойственными раннему периоду существования постсоветской России ложными правовыми установками и ориентирами, стремлением максимально соответствовать навязанным извне либеральным ценностям, а также наблюдаемыми в начале 1990-х гг. спонтанностью и непродуманностью конституционно-правовой политики, ошибочностью целого ряда вынесенных на всенародное голосование концептуальных принципов дальнейшего развития общества и государства. Именно эти причины и лежат в основе не совсем верных представлений о принципе неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве, чем обуславливают серьезные трудности, возникающие в правоприменительной деятельности органов дознания и предварительного следствия.

К сожалению, исправление некогда допущенных конституционно-правовых просчетов — задача практически невыполнимая. Ведь для положений гл. 2 Конституции РФ установлен режим абсолютной правовой стабильности; все включенные в нее нормы незыблемы и подлежат изменению лишь посредством принятия нового «Основного закона» государства. Вряд ли такой незначительный повод способен предопределить потребность в проведении столь кардинальных реформ правовых основ российской государственности. К тому же, несмотря на множество других, гораздо более серьезных, даже концептуальных, конституционно-правовых изъянов и недочетов, государство, напротив, всеми силами стремится к сохранению действующей Конституции РФ, что в очередной раз подтвердила известная реформа 2020 г.

Вместо этого разумнее сосредоточиться на поисках более прагматичных путей выхода из сложившейся ситуации посредством внесения ряда коррективов в федеральное, в первую очередь уголовно-процессуальное, законодательство. Тем более что в настоящее время такие пути вполне реальны и могут привести если не полному устранению существующих проблем, то, по крайней мере, к сглаживанию возникающих практических трудностей.

Например, в качестве одного из подобных путей, как уже отмечалось выше, видится ликвидация унаследованного от советского законодательства и давно потерявшего актуальность нормативного анахронизма — правового условия, увязывающего приоритетность избрания мер уголовно-процессуального пресечения с признанием соответствующего лица обвиняемым. Еще одним подобным путем может стать разработка и принятие самостоятельного федерального закона «О задержании», адресованного не столько субъектам уголовной юрисдикции, сколько полиции и другим правоохранительным органам полицейского, квазиполицейского и параполицейского типов, устанавливающего основания, условия и четкий правовой механизм внесудебного ограничения свободы человека в соответствии конституционно-правовыми стандартами и ценностями российского общества.

Представляется, что указанные правотворческие решения в своей совокупности позволят существенно упростить и оптимизировать правоприменительную практику реализации принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Григорьев В.Н.* Задержание подозреваемого. М.: ЮрИнфор, 1999.
- Кругликов А.П., Дикарев И.С., Бирюкова И.А.* Принципы уголовного процесса Российской Федерации / Под ред. А.П. Кругликова. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2007.
- Курс уголовного судопроизводства / Под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016.
- Россинский С.Б.* Правовые условия применения мер уголовно-процессуально-го пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2018. № 5. С. 30–36.
- Челохсаев О.З.* Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина и его реализация в уголовном судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. М.: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2017.
- Якимович Ю.К.* Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного процесса. Томск: Томский государственный университет, 2015.

REFERENCES

- Chelokhsaev, O.Z. (2017). *Printsip okhrany prav i svobod cheloveka i grazhdanina i ego realizatsiya v ugovnom sudoproizvodstve* [The principle of protecting the rights and freedoms of man and citizen and its implementation in criminal proceedings]. The Candidate of Legal Sciences Thesis. Moscow: University named after O.E. Kutafin (MGYuA). (in Russ).
- Golovko, L.V. ed. (2016). *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva* [Course in criminal proceedings]. Moscow: Statute. (in Russ).

Grigoriev, V.N. (1999). *Zaderzhanie podozrevaemogo* [Detention of the suspect]. Moscow: YurInfor. (in Russ).

Kruglikov, A.P., Dikarev, I.S., Biryukova, I.A. (2007). *Printsipy ugovolnogo protsesa Rossiiskoi Federatsii* [Principles of the criminal process of the Russian Federation]. Ed. A.P. Kruglikov. Volgograd: Volgograd State University. (in Russ).

Rossinskiy, S.B. (2018). Pravovye usloviya primeneniya mer ugovolno-protsessual'nogo preseche-niya privodyat k pospeshnosti i neobosnovannosti obvineniya [Legal conditions for the application of measures of criminal procedural suppression lead to haste and unfounded accusations]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 5, pp. 30–36. (in Russ).

Yakimovich, Yu.K. (2015). Ponyatie, naznachenie, differentsiatsiya ugovolnogo protsesa. *Printsipy ugovolnogo protsesa* [Concept, purpose, differentiation of the criminal process. Principles of criminal procedure]. Tomsk: Tomsk state university. (in Russ).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Росинский Сергей Борисович — главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор.

AUTHOR'S INFO:

Sergey B. Rossinskiy — chief researcher of the criminal law, criminal procedure and criminology sector; Institute of state and law of the Russian academy of sciences, Doctor of Law, Professor.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Росинский С.Б. Сорок восемь часов с момента фактического задержания — результат спонтанного и непродуманного правотворчества на заре новой российской государственности // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2024. Т. 19. № 6. С. 202–219. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-6-rossinskiy

FOR CITATION:

Rossinskiy, S.B. (2024) Forty-eight Hours from Moment Actual Detention is a Result of Spontaneous and Ill-thought Law-making at the Dawn of the New Russian State. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 19(6), pp. 202–219. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-6-rossinskiy